

НАТАЛЬЯ ФОР

О НЕЙ. ОНЕЙРОИД

16+

Наталья Фор
О ней. Онейроид

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Фор Н.

О ней. Онейроид / Н. Фор — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта история началась в XIX веке, а заканчивается в веке, когда технологии позволяют покорять космос. Доктор Джон Вудс отправляется в загородное поместье семьи Грант, чтобы помочь его хозяйке Мэри обрести душевное равновесие. Три года назад она потеряла память. Джон психиатр — человек глубоко преданный своей профессии и свято верящий в науку. Он хочет спасти Мэри и дать ей свободу от ловушки своего разума. Только одного не учёл Джон, что на его пути встретится ещё одна женщина, которая будет не менее дорога ему, чем та, которой он должен помочь.

© Фор Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Онейроид – грезоподобное помрачение сознания, при котором псевдогаллюцинации и сновидные фантастические картины переплетаются с реальностью или практически полностью её замещают.

Является особой разновидностью нарушения сознания, которая характеризуется наличием сюжетных псевдогаллюцинаций и фантастических картин.

Пролог

– Мы должны попасть внутрь, – Сай тяжело дышал. – Должны, Ноа. – Повторил он с нажимом и посмотрел на меня.

Мы лежали на земле, прячась в тени кратеров. Сюда не попадал свет прожекторов базы, и благодаря этому, мы прекрасно могли видеть все передвижения мунинов и их прибывающий транспорт.

– Мне кажется, нужно ещё подождать, – сказала я Саю. – Мы не достаточно готовы, смотри, сколько их сегодня. – Лунная пыль не давала глубоко дышать, она, словно пудра, оседала на лёгких и обволакивала гортань сладкой патокой.

Мунинов и вправду сегодня было очень много. Сай слегка приподнялся на локтях и выглянул из-за большого валуна, в освещаемом искусственном свете пространстве были мунины – новые люди как они себя называли. Они что-то разгружали с прилетевшего маленького скволла.

– Смотри, какие-то коробки, – шепнула я, – и обрати внимание, у них новая форма. Чем они расплатились, интересно знать?

Мунины тягали коробки в огромные ангары, предназначенные для скволлов. Это была уже третья разгрузка за последние две недели.

– Пошли, нужно уходить, – я тронула Сая за плечо. – Мне тяжело дышать.

Сай промолчал, но по напряжённой позе было понятно, что он бы ещё выдержал это удушье от пыли. Он бы задержался ещё.

– Пойдём Сай, у нас мало времени.

– Ладно, в следующий раз отправлюсь один, – сказал он упрямо.

– Только попробуй, – пригрозила я ему шёпотом, все так же неотрывно глядя на базу. Я увидела, как он мельком на меня посмотрел, и на его лице промелькнула ухмылка.

– Хорошо... пошли, мамочка, – сказал он.

Мы, стараясь не шуметь, стали ползти назад, в черноту ночи и скрывающих нас огромных кратеров. Медленно, очень медленно, чтобы лунная пыль, не поднялась вихрем и нас не заметили. Оказавшись на значительном расстоянии от базы, мы, наконец-то стали в полный рост.

– Иди к кораблю. Я поставлю маяки, – сказала я Саю. В темноте я слышала, как он фыркнул. Ему не нравилось, выполнять все мои приказы, но делать нечего, развернувшись и ничего не сказав, он зашагал в сторону корабля. Убедившись, что он ушёл, я достала первый маяк и начала устанавливать его под огромным валуном. Примерно через десять минут, со стороны, откуда мы пришли, послышались осторожные шаги. Я замерла, боясь пошевелиться. Кто-то, осторожно шёл в мою сторону. Я тихо, так же сидя на корточках возле валуна, стала шарить по земле в поисках хоть какой-нибудь защиты. Под руку попался камень. На крайний случай сгодится любое оружие в случае опасности. Воспользоваться другим оружием я не могла. Это привлекло бы внимание. Я ждала, когда идущий поравняется со мной, нельзя что бы он пошёл дальше, ведь за небольшим кратером стоит наш корабль. Ещё шаг и я брошусь на этого крадущегося, кем бы он ни был.

Вдруг все стихло, шаги замерли. Казалось, даже ветер перестал нести лунную пыль по холмам и кратерам. И тогда я услышала его. Услышала своим бешено бьющимся сердцем. Услышала своей душой.

– Я знаю, что ты здесь – произнёс тихий вкрадчивый голос. Он как будто, боялся меня спугнуть. – Я услышал тебя, Ноа.

Я выронила ставший теперь бесполезным камень и выпрямилась во весь рост.

– Ты не имеешь права меня слушать, – мне показалось, что я прошипела эти слова. Волна гнева поднялась из груди и ударила в голову. Мне показалось, что дышать стало ещё тяжелее. От ненависти или, от забившей все лёгкие лунной пыли?

В темноте прозвучал глухой щелчок, и приглушённый зелёный свет фонарика осветил землю и ботинки стоящего рядом человека.

Мне хотелось зажмурить глаза, а не смотреть на освещённую землю и ботинки этого предателя. Нужно взять себя в руки. Раз...вдох... Два...выдох.

– Я уйду.

– Стой! – Свет фонарика дрогнул, ботинки сделали шаг, лунная пыль взметнулась.

– Не приближайся ко мне! – Всё так же шипела я. Расстояние между нами сократилось. Зелёный свет освещал теперь и мои ботинки.

– Я просто тебя услышал, понял, что ты, где-то рядом и пошел проверить.

– Ты теперь не имеешь права меня слушать. Я тебе запрещаю, слышишь?

– Ха, тебя не возможно не услышать. – В его голосе почудилась улыбка. Твои эмоции кричат на много миль вокруг, хотя конечно не так как раньше.

Меня обдало жаром при этих словах, ведь я поняла их скрытый смысл.

– Так приглуши свои детекторы и не попадайся мне на пути.

– Как скажешь, – он все-таки смеялся. – Вижу, ты изменилась, стала какой-то нервной, неуравновешенной что ли.

– Не твоё дело. Иди, докладывай своим хозяевам, что видел меня здесь.

– Не стоит мне указывать! – Его тон сразу сменился, и я была рада, что смогла хоть чем-то его задеть. – Я хочу тебя предупредить, что б ты здесь больше не появлялась. Тебя слышал не только я, но и Толли. Мне пришлось сделать вид, что я тебя вспомнил, иначе она подняла бы тревогу.

– Вот спасибо, что выручил, – я скептически хмыкнула. – Отрадно слышать, что твоя сестрица так же ненавидит меня, впрочем, это у нас взаимно.

– Да уж, только ты лукавишь. Она тебя раздражает всего лишь, не более.

– Ты опять... – я дёрнулась в его сторону.

– А ты так и не научилась прятаться, – он опять хмыкнул. – Ладно, прощай. – Зелёный луч скользнул по моим ботинкам и упёрся в небольшой валун рядом. – Увидимся, когданибудь.

– Надеюсь, больше никогда! – Я развернулась и пошла сторону корабля.

– До следующей встречи... или жизни... – Доносились мне в спину его слова. – Я оставлю о тебе память... оставлю...

Я шагала все быстрее и быстрее, что бы он не услышал меня, что бы наши мысли не нашли друг друга. Вдалеке показался корабль, я побежала.

Я бежала, глотая слёзы и сладкую лунную пыль. Скоро покажется солнце, нужно успеть взлететь с его лучами.

Сай сидел за пультом управления и готовился к взлёту. Я села за соседнее кресло и украдкой, вытирая слёзы пристегнулась. Он, не поворачиваясь ко мне, сказал:

– Я слышал его. Я слышал этого ублюдка. – Я почувствовала злость и боль, исходящую от него. – И знаешь, что самое мерзкое? – спросил он. – Он не жалеет о своём решении. Он в нем уверен, а жалеет только о том, что ты не поступила так же.

– Сай... – я хотела его остановить.

– Нет, ты послушай. – Он резко повернулся ко мне, и в его глазах я увидела невыплаканные слезы и боль. – Он уверен в своём выборе и правоте, а тебя считает невежественной и слабой. Слабой, понимаешь? – Сай почти кричал. – Ему тебя жаль!

– Сай! – Мне пришлось повысить голос. – Мы не будем больше это обсуждать. Значит теперь, мы должны идти своими дорогами.

– Но...

– Послушай, – я перебила его, подняв руку. – У нас теперь разный путь, если наши души разошлись, значит, настал час другого круга.

– А если этого круга не существует? Что тогда?

– Вернёмся к тому, с чего начали, – сказала я спокойно. – А теперь, пора взлетать, не пропусти лучи солнца. Курс на Землю, и смотри, будь осторожнее в этот раз. Люди Земли ещё не умеют читать друг друга.

– Я помню, помню – проворчал Сай. – И то, что ты моя сестра сейчас, а в прошлой жизни была матерью тоже не стоит говорить? – он хитро прищурился.

– Не стоит, – сказала я, вспомнив реакцию Цилии, и повернулась к приборам.

– А тот ублюдок... – но он не успел договорить, лучи восходящего солнца становились все ближе к кораблю, и медлить больше было нельзя. Мы взлетали. Впереди нас ждала Земля.

Глава 1

– Теперь, вы понимаете, что... – мистер Грант прокашлялся и смущённо умолк.

– Я понял вас, мистер Грант. – Доктор Джон Вудс слегка поддался вперёд со своего кресла и ободряюще кивнул мистеру Гранту. – Я понял. – Повторил он и вновь откинулся на спинку своего старого кожаного кресла, которое противно закрипело, а Джон Вудс мысленно поморщился. – Я обещаю вам конфиденциальность и сделаю всё возможное для скорейшего восстановления миссис Грант. – Для доктора Вудса, предложение этого джентльмена было не столько необычным, сколько интересным.

На несколько неловких секунд в кабинете воцарилась тишина, нарушаемая шумом, доносящимся с улицы.

Джон Вудс обдумывал предложение Оливера Гранта. Вся эта история казалась ему трагичной, и ему было бесконечно жаль миссис Грант, но возможность для исследований, и что уж говорить достойного заработка весьма прельщала его. А доктор Вудс, отнюдь не был лишён некой доли прагматизма.

Мистер Грант просунул руку во внутренний карман пальто, вытащил картонную визитку, и протянул её доктору Вудсу.

– Вот адрес. Я надеюсь, что вы сможете как можно скорее навестить нас. – Сказал он, понимаясь со стула стоящего перед столом доктора. – Думаю, недели для сборов вам будет достаточно? – Он сделал жест рукой, как бы указывая на убогий кабинет мистера Вудса и то, что можно было бы из него взять для дальнейшего визита в особняк Грантов.

Джону Вудсу на мгновение показалось, что на лице мистера Гранта промелькнуло лёгкое пренебрежение, относящееся к месту, где тот находился. Но через секунду глаза мистера Гранта опять смотрели на Вудса так, словно, боясь что рассматривать убогую обстановку маленького кабинета было верхом неприличия.

– А... Вот ещё... – Рука мистера Гранта снова нырнула во внутренний карман пальто. – Чек. Возьмите. Это задаток. – Джон Вудс тоже встал с кресла и протянул руку за визиткой и чеком.

– Да, мистер Грант, недели будет достаточно.

– Да, ещё, я должен предупредить, что в данный момент у меня гостит старший брат с женой, поэтому, вас я представлю как старого школьного друга. Мне крайне неловко просить

вас об этом, но супруга моего брата, крайне любознательна и общительна, хоть и совершенно беззлобна. Я не хотел бы, что бы она обмолвилась о цели вашего визита в обществе. Для благополучия и спокойствия своей жены, я вынужден вас просить об этой небольшой лжи.

– Я понимаю, вас мистер Грант, – сказал Джон, – и поддерживаю вашу легенду, – кивнул он.

– Что ж, до скорой встречи. – Мужчины обменялись рукопожатиями. Грант взял свою шляпу со стоящего рядом стула и решительными шагами направился к двери.

– Мистер Грант! – тот остановился и вопросительно взглянул на Вудса.

– Я сделаю все, что в моих силах, – ободряюще заверил Джон.

– Надеюсь, мистер Вудс, – сухо ответил Грант. – Всего доброго. – И распахнув дверь, вышел из кабинета.

Как только его шаги стихли, Джон снова сел в своё скрипящее кресло, откинулся на его спинку и устало потёр глаза. Оливер Грант показался ему невозмутимым и слегка холодным человеком, но при упоминании о жене он говорил смущённо и как будто, чего-то стыдился. Конечно, не легко говорить о личном, и сокровенном с незнакомым человеком, и на это Джон делал скидку в пользу мистера Гранта. Одно радовало Джона в этой истории, и он с нетерпением ждал знакомства с миссис Грант. Настоящий фанатик своего дела, Джон Вудс предвкушал решение головоломки, которую ему задал мистер Грант.

Джон Вудс был молодым, и подающим надежды врачом-психиатром. Он практиковал уже достаточно долго, что бы заслужить себе отменную репутацию. Правда, Англия, хоть и было его родиной, мало знала его. Джон учился в Соединённых Штатах Америки и там же набирался опыта. Через несколько лет, он решил, что ему мало одного континента и поехал покорять Европу. Точнее, это она покорила его. Он работал в клиниках Швейцарии и Австрии, а потом... Потом он решил оставить цивилизованный мир, и ненадолго уехал в Индию. Хотел узнать, как обстоят дела с психиатрией там. Поэтому опыта, как и желания, продолжать любимое дело у Джона Вудса, было в избытке.

Спустя неделю Джон Вудс подъезжал в кебе к особняку Грантов. Это был прекрасный двух этажный дом, построенный в виде подковы.

«Должно быть летом здесь удивительно красиво», – подумал он. Сейчас же, вся территория особняка укрылась снежным одеялом. На ветвях деревьев лежал искристый белый снег, а в центре подъездной аллеи стоял замёрзший фонтан. Обнесённая льдом статуя, кого-то из греческих богов отражала от себя утреннее морозное солнце. Кеб остановился возле парадного, и Вудс распахнув дверь, шагнул наружу. Заплатив кебмену, Джон взял свой чемодан и под удаляющийся скрежет кеба, поспешил к двери.

Не успел мистер Вудс поднять руку к дверному молотку, как дверь распахнулась. На него из тёмной прихожей было обращено чьё-то белое лицо в обрамлении тёмных волос.

– Проходите, – сказал женский голос. Мистер Вудс шагнул в гостеприимно распахнутую дверь и очутился в сумрачном холле. Глаза с непривычки от перехода с уличной белой зимы заслезились. Вудс поморгал.

– Следуйте за мной. – Сказала женщина, и, повернувшись к Джону спиной, повела его через огромный холл. Глаза Джона постепенно привыкали к полумраку, и он не спеша шёл за своей провожатой. Они миновали холл с огромными, занавешенными шторами окнами, через которые пробивался утренний свет. Стук домашних туфель, отбивал ритмичный звук по вымощенному плиткой полу. Женщина пересекла холл, свернула направо и прошла через небольшую галерею, сплошь увешанную картинами. Потом свернула в небольшой коридорчик с несколькими дверями, остановилась около последней двери возле окна и распахнула её.

– Проходите мистер Вудс. – Она сделала шаг назад, пропуская его в комнату. Джон вошёл, и наконец-то посмотрел на неё.

Перед ним была милая, не высокого роста темноволосая женщина лет до тридцати.

– Я Мэри, – представилась она. – Мэри Грант. – Женщина протянула Вудсу правую руку для приветствия.

– Миссис Грант. – Вудс мгновение помешкал, суетливо поставил свой чемодан на пол и пожал протянутую Мэри руку. Её рука была холодна как лёд, когда рука Джона коснулась её руки, Вудс непроизвольно вздрогнул.

– Простите, – она улыбнулась. – У меня всегда холодные руки. Её улыбка была приветливой, и Джон улыбнулся в ответ.

– Ну, что вы миссис Грант, – он опять улыбнулся.

– Это ваша комната. Мистер Грант сообщил мне о вашем приезде. – Сказала Мэри, подходя к окну, и раздвигая шторы. В комнату потоком хлынул солнечный свет. – Через час будет завтрак. Пройдёте через холл и повернёте налево. – Она приблизилась к нему и посмотрела своими ярко синими глазами. – Пожалуйста, не опаздывайте. – С этими словами Мэри тихо вышла из комнаты.

Джон оглядел комнату. Камин, кровать, две тумбы по обе стороны кровати, а в изголовье крылатые амурсы со стрелами. Ещё одна дверь вела в ванную комнату. Джон распаковал чемодан, развесил вещи в шкаф и привёл себя в порядок перед завтраком. Сверился с часами и поспешил из комнаты не желая заставлять хозяев ждать его.

– Мистер Вудс! – Оливер Грант поднялся со своего места за огромным обеденным столом. – Проходите, присаживайтесь. – Симонс, обслужи мистера Вудса. – От стены, словно тень, отделился слуга, отодвинул стул перед Джоном, приглашая сесть.

– Что ж, – продолжил мистер Грант, – надеюсь, вы не устали с дороги?

– Вовсе нет. – Вежливо ответил Джон.

– Тогда, позвольте представить вам мою семью, воочию так сказать. – Мистер Грант сидел во главе стола, слева от него сидела его жена Мэри, а возле неё рыжеволосая красивая женщина и плотный лысеющий джентльмен. По правую руку от мистера Гранта сидел молодой человек очень похожий на него, и Джон подумал, что это должно быть его сын. Такой же темноволосый и кареглазый, как и его отец, юноша. Между наследником Гранта и самим Джоном сидела юная белокурая девушка.

– Моя жена Мэри. – Грант повернул голову к жене, и неодобрительно поджав губы, сказал: – Вы уже познакомились. – Неодобрение мистера Гранта заключалось в том, что Мэри сама поместила мистера Вудса, а не дала указание прислуге. Но, по всей видимости, миссис Грант это мало заботило. – Мой сын Тобиас, – продолжал меж тем мистер Грант, – он изучает гражданское право, как вы помните. И моя дочь Эмма. – На вид девушке было лет пятнадцать.

Джон вежливо кивал на приветствия.

– Мой брат Вильям Грант и его супруга Кэтрин. Вильям и Кэтрин гостят у нас, – пояснил Оливер.

– Очень приятно леди, – кивнул мистер Вудс в одну сторону, – джентльмены, – кивнул в другую.

– А это мой добрый школьный друг мистер Джон Вудс, – представил Джона мистер Грант. – Мистер Вудс недавно прибыл из Индии, он проездом здесь и я уговорил его погостить у нас немного.

– Не могу вас вспомнить мистер Вудс, – сказал Вильям Грант, рассматривая Джона, – я знаю почти всех школьных приятелей Оливера.

– Возможно потому, Вильям, – сказал Оливер, – что семья мистера Вудса эмигрировала в Соединённые Штаты много лет назад. И наша дружба осталась такой же, как и в школьные годы, только благодаря переписке.

– Америка? – воскликнул Вильям. – Замечательная страна, дикая и необузданная. Скажите, мистер Вудс, индейцы так же кровожадны, как и пятьдесят лет назад?

– Мне трудно судить о событиях пятидесятилетней давности мистер Грант, – сказал Джон.

– Пожалуйста, зовите меня Вильямом, – он махнул пухлой рукой, – а то будет путаница. – Он хохнул.

Джон улыбнулся ему и понял, что этот круглый лысеющий человек, должно быть приятный собеседник и менее сдержан в эмоциях в отличие от своего брата. Его улыбка казалась очень искренней.

– Тогда, вы зовите меня Джоном, – кивнул Вудс. Вильям вопросительно посмотрел на Джона, ожидая ответа на свой вопрос. – А о кровожадности индейцев в наше время я судить не берусь. У них достойные условия для проживания, страна предоставила им все блага для обучения и достойной жизни.

– Резервации? – воскликнула Мэри. – Те земли, что им дали совершенно не пригодны для проживания. Скот гибнет, люди умирают от инфекций и голода. Насколько мне известно, многие племена были поселены на одной территории, а это совершенно не приемлемо. Поэтому, лично я считаю, что с ними обошлись крайне несправедливо, а вы говорите это так обыденно, как настоящий американец, мистер Вудс. – Мэри сказала это таким тоном, что могло прозвучать как намёк на оскорбление.

– Мэри, – к ней повернулась Кэтрин, – лично я полагаю, что мистер Вудс прав. – Она повернулась к Джону и ободряюще ему улыбнулась. – Страна должна заботиться о своих гражданах, даже если это дикари.

– А как ты их называешь дикарей, ктонибудь просил о такой защите? – спросила Мэри, делая глоток кофе из чашки. – Все решило правительство, горстка умников, которым как кажется, лучше знать, как управлять другими людьми. Людям должны давать право выбора, а не ставить перед фактом.

– Это и есть выбор, Мэри, – воскликнула Кэтрин. – Если человек не в состоянии позаботиться о себе, о нем должна заботиться его семья, а в данном случае государство, разве не так? – щеки Кэтрин пылали от такой речи. Она повернулась к мужу, ища поддержки, но тот был занят своей тарелкой, и Кэтрин обратилась к мистеру Вудсу.

– Вот вы, мистер Вудс, побывав на двух континентах, скажите, как далеко продвинулась цивилизация на каждом из них? – И не дав ему ответить, продолжила свою мысль: – Я бесконечно благодарна господу, что живу не в средневековье. Мы стоим на пороге нового тысячелетия и новых достижений.

– Вы правы, миссис Грант, – ответил ей Джон. – Наш век ждет, несомненно, много открытий.

Довольная его словами Кэтрин с удовольствием откусила кусочек тоста. Несколько минут было слышно только стук приборов о тарелки.

– Скажите, мистер Вудс, – обратился к нему юный Тобиас, – это правда, что в Америке женский и мужской труд стал оплачиваться как равноправный?

Джон, немного помолчал думая над ответом.

– Я бы сказал, все идёт к этому. Ведь есть такие отрасли труда, где женщина не может быть особо полезной, я имею в виду физически полезной конечно. – Он заметил пристальный взгляд Мэри. – Если женщины трудятся наравне с мужчинами, то этот труд должен оплачиваться соответственно и равно.

– А я бы никогда не хотела работать, – сказала Кэтрин.

– Но ты же и не работаешь, дорогая, – посмотрела на неё Мэри.

– Быть женой, вот настоящее предназначение женщины, – с горячностью сказала Кэтрин, вскинув подбородок. – Мы должны быть жёнами и матерями, невозможно успевать работать и достойно растить детей.

– Всё же, женщина не должна ограничиваться только лишь выбором семьи, она имеет право на развитие и достойное образование, – сказала Мэри.

– Леди, пожалуйста, не надо ссор, – поспешно сказал Вильям. Дамы не должны забивать свои чудесные головки такими вещами.

– Какими вещами, Вильям? – Мэри посмотрела на него как на неразумное дитя. – Ты считаешь, что с моей чудесной головкой может, что-то произойти, если она будет думать?

Справа от Джона тихонько прыснула от смеха Эмма. Мистер Грант недовольно посмотрел на жену, но ничего не сказав, продолжал потягивать свой кофе. Вильям растерявшись, и не зная, что ответить, уткнулся в свою тарелку. Пять минут завтракали молча. Молчание прервал Вильям.

– Прекрасный шербет, вы не находите? – спросил он не известно кого, и снова уткнулся в тарелку. Справа снова хмыкнула Эмма.

Глава 2

После завтрака, как было принято в этом доме, мужчины удалились в курительную комнату, а дамы прошли в гостиную. Эмма взяла в руки пальцы с вышивкой и села у окна, рядом стояла Мэри и смотрела на заснеженные поля, принадлежавшие семье Грант. Кэтрин расположилась у камина и сидела, нахолившись как замёрзший воробей. Она не очень любила вступать в споры, в отличие от Мэри, которая, всегда считала правильным отстаивать свою точку зрения, даже, если она не совпадала с мнением большинства. Поэтому, сейчас, Кэтрин репетировала речь, ведь она должна поставить точку в их с Мэри споре. Наконец, словно закончивши свой внутренний монолог, она повернулась к Мэри.

– Ты могла бы быть сегодня более снисходительной в своих суждениях. Я чувствовала себя задетой, – сказала она. Мэри все так же, не поворачиваясь к ней ответила:

– Не переживай, дорогая, я не хотела тебя задеть. Думаю, мистер Вудс вовсе не счел тебя невежественной, – она повернулась к Кэтрин и, кутая плечи в белую шаль, улыбнулась невестке. – Ты же об этом думала? Правда? – спросила она мягко.

– Я... В общем да, – замолчала Кэтрин. Она не ожидала, что Мэри так быстро сдастся. Мэри посмотрела на неё снисходительно и снова с улыбкой сказала:

– Я обратила внимание, как мистер Вудс смотрел на тебя. Отнюдь не как на глупышку. Твоя красота заставляет мужчин забывать нить разговора, и не обращать внимания на остальное. Ты напрасно волнуешься.

Кэтрин кивнула, словно соглашаясь с Мэри, но все так же искала в её словах скрытый смысл. Уверившись, что это было сказано искренне, она упокоилась. Пусть, миссис Вильям Грант и не была слишком сведуща в некоторых вопросах, но и совсем уж глупой женщиной она не была.

– Хотела бы я посетить Индию, – вздохнула Эмма, не поднимая глаз от вышивки, – интересно, где ещё был мистер Вудс?

– О, нет. Только не Индия, – воскликнула Кэтрин. – Там ужасная жара и антисанитария. В этот момент в комнату вошли мужчины, и внимание Кэтрин переключилось на них.

– Скажите, мистер Вудс, это правда, что в Индии ужасно жарко? – спросила она.

– Да, миссис Грант, – подтвердил Вудс. Неподготовленному европейцу тяжело приходится в таких условиях. Спасти от жары не возможно даже ночью.

– Вот поэтому, я никогда не поеду туда, – сказала Кэтрин твердо. – Не переносу жару.

– Но милая, – воскликнул Вильям, мне кажется, ты хотела посетить все страны мира.

– Только те, – ответила Кэтрин, – где не жарко.

– Тогда, вам наверняка понравилась бы Аляска, – сказал Джон.

Эмма хихикнула в пальца, не поднимая головы. Джон, что бы сгладить неловкость пояснил:

– Там прекрасная природа, красоты такие, что дух захватывает. Жары нет даже летом. – Он искренне посмотрел на Кэтрин. Она, поняв, что он не смеётся над ней, вздохнула.

– Ах, Вилли, когда же мы уже покончим этим безобразием в нашей семье и сможем путешествовать?

Вильям мгновенно покраснел, Эмма оторвалась от вышивки и тревожно посмотрела на отца, а потом на брата. Этот взгляд не остался незамеченным Джоном Вудсом. «Ещё тайны?» – подумал он. Но это было не тайной, а скорее неудобством, как могла бы заметить Кэтрин. Ведь добродушный добряк Вильям, неудачно вложив деньги в одно рискованное и сомнительное предприятие, оказался на грани разорения. Однако, благодаря возможностям и уму своего брата, часть денег удалось вернуть, но лишь незначительную, и не позволяющую им жить так же расточительно как раньше. Поэтому, для поддержания престижа и что бы окончательно не упасть духом, любезный Оливер Грант, ценящий родственные связи, и конечно же, не без братской любви, помогал родственнику материально. Правда, это не особо пришлось по душе сыну мистера Оливера. Молодой Тобиас, был человеком практичным, и излишняя щедрость его отца внушала опасения для самого Тобиаса, что деньги, потраченные на дядюшку, могли лучше использоваться самим Тобиасом для учёбы. Но волновался он совершенно напрасно, его отец никогда бы не позволил себе ущемлять в чем-то своего отпрыска, ведь главным достоинством его наследника был ум и прекрасные перспективы в будущем.

– Что ж, – сказал Оливер как-то напряжённо, – предлагаю конную прогулку. Мой добрый друг давно не сидел в седле полагаю? – обратился он к Джону.

– Да. Давно. – Подтвердил он.

– Прекрасно. Желающих совершить прогулку, через полчаса жду у конюшен. Мистер Грант быстро пересёк комнату и вышел. За ним пошёл его сын, и резко поднялась Кэтрин. По её лицу было понятно, что она сказала, лишнего и, схватив мужа под руку, повела его к двери.

Мистер Вудс оставшись с Эммой и Мэри, почувствовал себя неловко. Но убедившись, что они не обращают на него внимания, поспешил удалиться. В своей комнате, Джон, переодеваясь для дальнейшей прогулки, размышлял о своих новых знакомых. На основании первого впечатления можно ли сделать выводы относительно Мэри Грант, из-за которой он собственно здесь и оказался? Она показалась ему достаточно гостеприимной и приветливой. По всей видимости, имела своё мнение и не стеснялась его высказывать. Но, конечно, ему нужно было больше времени и личного общения с ней, для того, что бы делать какие-либо выводы. Старший брат Оливера Гранта, несомненно, был приятен в общении, хотя его высказывания иногда выглядели нелепыми, это отнюдь не умоляло того, что он был приятным в общении человеком и всем интересовался совершенно бесхитростно. Его супруга была под стать мужу, и так же бесхитростно откровенна. Именно поэтому, они прекрасно дополняли друг друга. Кэтрин боялась показаться глупой, и все свои предложения тщательно обдумывала, но иногда говорила импульсивно и словно стыдилась этого.

Сын мистера Оливера, Тобиас, был очень похож на отца не только внешне, но и по манере общения. Молодой человек учился в Оксфорде, о чем не преминул сообщить лично мистеру Вудсу в курительной комнате, и был, несомненно, горд собой и своими успехами в учёбе. Джону пришлось сказать, что он, конечно в курсе успехов юного Тобиаса, ведь его отец сообщал Джону об успехах сына в длинных письмах в Америку. Ложь Джона была столь искусной, что молодой человек, по всей видимости, не заметил неправды, хотя, самому Джону, эта ситуация казалась неприятной. Но ради дела, из-за которого он здесь, приходилось лгать и поддерживать легенду о давней дружбе придуманной мистером Грантом. Сестра Тобиаса, Эмма, была прекрасной юной девушкой, и непременно с прекрасным чувством юмора. Также, Джон про себя отметил, что Эмма должно быть очень дружна со своей мачехой Мэри.

Проведя в этих раздумьях в отпущенные мистером Грантом полчаса, Джон переоделся и вышел в холл, где понял, что не знает, где находятся конюшни. К его облегчению в холле его ждал Оливер, нетерпеливо постукивая хлыстом по высокому сапогу для верховой езды.

– Мистер Вудс, я решил лично вас проводить к лошадям, – сказал мистер Грант.

– Я полагаю, что уместнее было бы называть друг друга по именам. Если уж вы решили поддерживать эту легенду, – заметил Оливеру Джон.

– Да, вы правы мистер Вудс... Джон. – Ответил Оливер и на мгновение Джону показалось, что он сам не в восторге от принятого им решения. О том, что нужно лгать семье.

Они вышли из дома и мистер Грант повёл Джона в сторону конюшен. Там их уже ожидали Вильям и Кэтрин, сидя верхом на прекрасных лошадях. Тобиас и Эмма от прогулки отказались, как пояснила Мэри мужу, выводя из конюшни под уздцы прекрасного гнедого жеребца.

Конюх вывел Джону спокойную лошадь, и он с завистью посмотрел на жеребца Оливера.

– Это Шторм, – увидев его взгляд, сказал Оливер и гордо вскинул подбородок. – Ранее принадлежал моему брату, а теперь мой. – Оливер гладил жеребца по мощной шее. Шторм бил копытом по земле, выворачивая комья земли и снега. – Он довольно своенравен и слушает только грубую силу, поэтому Вильям с радостью расстался с ним. Разумеется, не безвозмездно. И, что самое удивительное, животное так же слушает мою жену, хотя её методы воспитания разительно отличаются от моих.

– Животное должно чувствовать себя равным с тобой, дорогой, – сказала Мэри, садясь на свою лошадь. – Я считаю, что главное в отношении животного и человека, это доверие. – Она повернулась к Джону. – Так же как и в отношениях между людьми. – Вы так не считаете, мистер Вудс? – спросила она? Что-то промелькнуло в выражении её синих пронзительных глаз. Что-то, что заставило Джона мысленно неуютно поёжиться. Ему на миг показалось, что она знает, знает о том фарсе, что был разыгран между ним и её мужем.

– Безусловно, миссис Грант, – помедлив, ответил Джон. – В данном случае, – он похлопал рукой по крупу своей лошади, – я доверяю животному свою жизнь.

Мэри удовлетворенно кивнула и с улыбкой взглянула на мужа, желая увериться, что он услышал, что кто-то разделяет её взгляды.

– Что ж, – сказал Оливер, – хочу вас познакомить с владениями нашей семьи. – Он словно взлетел в седло. – Прошу, следовать за мной.

Глава 3

Семья Грант чтит традиции и ритуалы. А так же, семейные узы. Оливер Грант был первым сыном у своего отца, и вторым у матери. Вильям Грант, был усыновлен Ричардом Грантом, но по праву старшинства и наследования состояния, именно Оливер унаследовал все особняки и семейное имение. Стоит заметить, что Ричард Грант был справедливым отцом и добрым родителем. Его приёмный сын получил неплохой капитал, небольшое имение и отеческое благословение. Но, что отсутствовало у добродушного Вильяма, так это предпринимательская жилка истинных Грантов. Он был очень доверчивым и совсем не умел приумножать свои деньги. Только благодаря заступничеству и уму младшего брата, он был спасён от разорения и позора. Унаследованное имение было арестовано, а на небольшой счёт в банке, рассчитывали кредиторы.

Каждое утро, после завтрака, Оливер Грант уходил в курительную комнату в сопровождении своего некурящего брата и сына. Молодой Тобиас уважал отцовские привычки, а Вильям, хотел, хоть таким незамысловатым способом высказать свою благодарность. Теперь же, к этой процессии присоединился и Джон, он вяло слушал разговоры мужчин, и обдумывал, как бы ему приступить к лечению миссис Грант.

Джон все никак не мог найти повода и места для беседы с миссис Грант и опасался, что его приезд может показаться Оливеру совершенно бесполезным. Случай представился после обеда в четверг, когда мистер Грант отбыл на свою фабрику, а Вильям и Кэтрин выразили желание, посетить город для покупок к предстоящему рождеству. Тобиас и Эмма присоединились к ним. Джон решил посетить библиотеку, которой мистер Грант любезно предложил ему пользоваться, не преминув заметить, что это одно из любимых мест его жены. И действительно, Мэри находилась здесь. Она сидела возле огромного окна за столом и что-то писала, поэтому не сразу заметила вошедшего Джона. Перед ней лежали книги, сложенные небольшими стопками по четыре – пять штук. Мэри подняла голову, когда Джон подошёл ближе.

– Мистер Вудс, – сказала она, вздрогнув, и её взгляд сфокусировался на его лице. Она поморгала.

– Простите, миссис Грант, не хотел вас напугать. Вы были так увлечены, – он кивнул на лежащую перед ней огромную тетрадь.

– Ах, это... – Мэри закрыла тетрадь и внимательно посмотрела на него.

– Вы можете воспользоваться нашей библиотекой, – она обвела рукой комнату с высокими стеллажами. – Чем вы интересуетесь? – спросила она. – Я могла бы вам помочь в выборе.

– Спасибо, миссис Грант, – улыбнулся ей Джон, – возможно в вашей без сомнения прекрасной и обширной коллекции будет то, что доставит мне удовольствие. А что предпочитаете вы?

– У меня много предпочтений, мистер Вудс, – ответила Мэри.

– Прошу вас, зовите меня Джоном, – снова улыбнулся ей он.

– Что ж, а вы меня Мэри, – она ответила на его улыбку, встала из-за стола, и прошла к стеллажам с книгами. Задумчиво замерла, повернувшись к Джону спиной, потом подняла руку к полке, и кончиками пальцев, касаясь корешков книг, медленно проводила по ним. Её пальцы порхали от одной книге к другой, словно она наигрывала ими мелодию, и, делая маленькие шаги, скользила по полу в одном ей слышном ритме. Вот, рука её замерла, секунду застыв в невесомости. Так же, словно очнувшись от ритма, Мэри решительно вытянула книгу с полки. Джон был заворожён тем, с какой грацией двигалась Мэри, и когда она повернулась к нему, постарался придать своему выражению лица невозмутимый вид.

– Вот, возьмите Джон, – она протянула ему книгу, слегка прищурив глаза, на её лице была хитрая улыбка. Джон протянул руку за книгой и, увидев название вскрикнул:

– Что?.. Как вы... догадались, что я могу этим заинтересоваться? – он явно был ошарашен и смотрел, то на книгу, то на Мэри с недоверием и сомнением. Мэри пожала плечами и снова села на своё место за столом.

– Это последнее издание, книга только появилась в продаже, думаю, вам как психиатру будет интересно её прочесть. – Все так же улыбаясь, сказала Мэри и пристально посмотрела на Джона.

Казалось, с лица Джона сошли все краски, потом он медленно начал наливаясь румянцем, и вот, его щёки уже пылали от стыда. Минута молчания переросла в другую. Наконец, Мэри не выдержав, сказала:

– Полно вам, Джон, я, конечно же, знаю, кто вы. – Казалось, ей было забавно наблюдать его смущение. – Ведь это я просила Оливера о том, что бы вы были приглашены в наш дом в качестве врача. Просто мой муж не слишком многословен и видимо, не обсудил с вами все детали. Вы здесь по моей просьбе. – Она помолчала секунду. – Приезд Вильяма и Кэтрин был неожиданным, и нам пришлось придумать эту ложь, так как Кэтрин ужасно болтлива. Дети, разумеется, в курсе кто вы, но естественно думают, что здесь вы исключительно из-за моей памяти, – она ободряюще ему улыбнулась.

Джон, наконец-то смог справиться со своим смущением и лёгким негодованием. Оказывается, что это его водили за нос, а не наоборот как он думал. Но объяснение Мэри было вполне логичным, поэтому не стоило заострять внимание на этом.

– Что ж, – он прокашлялся, – я рад, что всё, наконец-то прояснилось. Мне признаться было неловко от этих недомолвок.

– Вот и чудно, – Мэри махнула рукой в сторону стула стоящего за ним, около стеллажа с книгами, – присаживайтесь Джон, и давайте приступим к тому, ради чего вы здесь.

Джон обернулся, взял стул и поставил его возле стола, за которым сидела Мэри. Первая неловкость, казалось, уже прошла, и он был рад, что ему можно работать, не скрываясь от пациента. Это значительно облегчало принцип работы, и можно не стесняясь задавать вопросы, которые могли возникнуть.

– Я хотел бы услышать вашу историю с самого начала. Ваш муж посвятил меня в кое-какие детали, но было бы правильнее услышать версию произошедшего непосредственно от самого па... – Джон помедлил – участника событий, – ввернул он.

– Ох, Джон, – Мэри мягко на него посмотрела, – вы хотели сказать пациента и это правильно, ведь я ваша пациентка. – Она помолчала, встала из-за стола и подошла к окну за её спиной.

– Скоро три года как это произошло. Вам нужны все подробности? – она внимательно посмотрела на него, как будто ожидая подтверждения своим словам. Джон кивнул, и она продолжила. – Я как вы знаете, не могу помнить тот день. – Она нервно улыбнулась ему, словно извиняясь за такое неудобство. – Я вообще многое не помню. Эта потеря памяти...

– У вас частичная амнезия. Вы не помните только последние годы до трагедии, правильно?

– Да, да... – она замолчала на секунду и стала теревить кончик шали. – Последние годы... Слуги сказали мне, что в тот день я пошла на прогулку, а вернулась уже... Вернее, нашли. Малышка Эмма нашла. Она, не найдя меня в доме вышла следом, значительно позже. Это чудо, что ей вздумалось прогуляться у озера. Там она и обнаружила меня. Мокрую и ... – она на секунду замолчала. – Я шла через озеро, лёд был крепкий, я точно это знаю, иначе я бы никогда не стала бы так рисковать. Только, я не знаю, что могло меня заставить пойти через это проклятое озеро, – она громко вздохнула и отвернулась к окну. Через мгновение, взяв себя в руки, она продолжила. – Я провалилась и утонула. Как я оказалась на берегу до сих пор загадка. Видимо сработал инстинкт, и я смогла выбраться. Но, этого, я, к сожалению, не помню. – Она печально усмехнулась. – Очнулась я уже здесь, дома и то, через несколько дней. Оливер думал, что я умерла, они все так думали, пока приехавший доктор не нащупал слабый пульс. – Она снова усмехнулась. – После того как я пришла в себя, я не помнила последних нескольких лет.

Она замолчала, а Джон обдумывал её слова. Частичная потеря памяти в результате переохлаждения и, несомненно, стресса который она испытала. Должно быть это хорошо, что она не помнит самой трагедии, но потеря нескольких лет жизни, это ужасная шутка подсознания.

– Мэри, – она вздрогнула, когда он обратился к ней, она, должно быть, ушла глубоко в свои мысли. – Вы говорите, что уверены, что лёд был прочным, откуда такая уверенность?

– Я бы просто не ступила на него, – воскликнула она и, увидев непонимание на его лице пояснила. – Я, конечно, могу поступать отчаянно, говорить резкие слова, совершать безумные поступки, поступать, так как я считаю нужным. Но я никогда не стану рисковать своей жизнью намеренно, ведь вы, безусловно, об этом думали? – Она махнула рукой, когда Джон хотел ответить, и продолжила. – Вы же врач и должны учесть все варианты событий. Просто я ужасная трусиха, а такой поступок, как самоубийство – смертный грех и карается высшей силой.

– Вы религиозны? – спросил он.

– Безусловно. Я всегда верила, что нами управляет высшая сила, высший разум. – Кто-то называет эту силу Господом, но я считаю, это не имеет особого значения. Ведь названия не важны, это всего лишь слова.

– А как же молитвы? Вы верите в силу молитвы?

– Конечно, верю, но не обязательно говорить заученные слова, все должно идти от сердца.

– Я полностью с вами согласен, – кивнул Джон.

Плавно, разговор от постигшей её трагедии, перетёк к религии и по покрасневшимся щекам девушки, Джон видел, что ей очень нравится эта беседа.

– Понимаете Джон, после того, что произошло, я кардинально поменяла своё мировоззрение и на вопросы религии в частности. Возможно, это обусловлено случившимся, а возможно я была такой уже в момент произошедшего. Мне это не известно, я ничего не помню. Но, ведь то, что я не помню свою жизнь, совершенно не значит, что я не помню себя. – Джон заметил, что она старательно не употребляет слово трагедия, заменяя его, на, что-то более обширное и как будто бы не касающееся её в целом. Словно, будучи каким-то досадным недоразумением, которое случилось с ней. Но, тем не менее, говорила об этом достаточно хладнокровно, как человек, принявший и понявший своё положение, но не считавшим этот провал памяти своей жизни значимым. Или Мэри хотела так думать? Хотела думать, что вычеркнутые события её жизни были такими не примечательными, что и вспоминать совсем нечего?

– Скажите, Мэри, ведь моё появление здесь обусловлено не только вашей амнезией? В этом вопросе найдутся врачи компетентнее меня. Я только хочу, что бы между нами была предельная честность и искренность, – сказал Джон как можно мягче. Мэри прикусила губу, потом вздохнула и снова села за стол.

– Что ж, господин доктор, – произнесла она, вскинув брови и глядя ему прямо в глаза, – честность и искренность я вам гарантирую. Этого у вас будет в избытке. – С этими словами она протянула ему тетрадь, в которой она писала, когда он вошёл.

– Взгляните, пожалуйста, – попросила она.

Джон открыл тетрадь и в первые несколько секунд ничего не понял, но потом, взглядевшись в текст, он понял, в чём дело. Её красивым, уверенным почерком были выведены ровные слова, только буквы были перепутаны. Написанные слова, казалось, теряли всякий смысл, словно, это писал ребёнок, который только начал постигать азы грамматики. Джон удивлённо посмотрел на Мэри.

– Я начала путать буквы, – пояснила она.

– Как давно? – спросил он.

– Сразу после. И знаете, чем больше я пишу, тем больше происходит путаница, а если я начинаю писать очень быстро, это когда ухватишь какую-то мысль, то местами переставляются целые слоги.

Джон снова посмотрел в тетрадь, полистал страницы. Некоторые слова были написаны правильно, правильно были составлены и предложения, но в основной массе буквы в тексте были переставлены местами.

– А что вы пишете? Как я вижу, это какие-то рассказы? – Джон поднял голову от тетради и посмотрел на Мэри.

– Это сказки. Сказки для детей. – Она улыбнулась. – Во мне неожиданно проснулся этот талант, и я стала писать. Вот тогда-то, я и обнаружила эту проблему, – она показала пальцем на тетрадь в руках Джона. – Теперь я пишу, а потом диктую Эмме текст, перед тем как нести рукопись в печать.

– О, у вас есть книги? – казалось, больше восхитился, чем удивился Джон.

– Да, меня, к моему же удивлению, издали сразу. Самолюбие мне это, конечно же, потешило, но даже если бы меня не захотели издавать, то у моего мужа достаточно денег для собственного издательства. – Увидев его ошеломлённый взгляд Мэри рассмеялась. – Я шучу,

конечно же, – и через секунду добавила, – это было бы не рационально, покупать издательство ради детских книжек. Пришлось бы писать и для взрослых. – Теперь уже хмыкнул Джон, но по её лицу он понял, что она говорила совершенно серьёзно. Он поспешил убрать неуместную ухмылку с лица.

– Вот, – она взяла верхнюю книгу с одной из стопок перед ней и протянула ему, – возможно, прочитав это, вы помёте суть моего недуга. Джон взял книгу и посмотрел на обложку. Это были её сказки. Только изданы они были под псевдонимом Мартин К. Уоллис.

– Почему вы издаётесь под псевдонимом?

– Мистер Вудс, у нас в мире правят мужчины, я просто иду на поводу у этой моды, – сказала она.

– Моды?

– Не принимайте это на свой счёт. – Поспешила успокоить она его. – Если думать логически, то какой современный отец купит своему сыну книжку написанную женщиной? И не каждый мальчик захочет её прочитать, если узнает, что её написала женщина. Её даже не раскроют.

– Но как же Джейн Остин, сестры Бронте! – Воскликнул он. Мэри усмехнулась.

– Это мне скажете вы, когда прочтёте пару сказок. А теперь, раз уж вы хотели полного доверия и искренности, не могли бы вы оставить меня? Не считите, конечно, за грубость, но меня накрывает огромная волна вдохновения, и упустить её было бы верхом кощунства.

– Конечно, миссис Грант, конечно... – он суетливо поднялся с места.

– Предлагаю встречаться для бесед здесь, после обеда, – сказала она. – Если вам будет удобно. В библиотеку мало кто ходит, – она смотрела на него, ожидая ответа.

– Да, это будет удобно. – Джон взял со стола её книгу и со словами, – Не смею вас больше задерживать, – пошёл к выходу из комнаты.

– Джон! – Он обернулся, а Мэри огибая стол, шла к нему, протягивая книгу которую дала ему в самом начале их разговора.

– Вот. Вы забыли. Мне не очень нравятся его теории, но в кое-чем, Фрейд, несомненно, прав. – И увидев его недоуменный взгляд, пояснила, – я прочла почти все книги по психиатрии и психоанализу. Думала, что смогу помочь себе сама, но после того как прочла вашу статью в одном научном журнале... Не могу вспомнить его название. Да это и не важно, поняла, что ваши идеи мне нравятся больше. – С этими словами она развернулась, и снова прошла к столу, не обращая больше на

Джона никакого внимания.

Джон шел через холл и постепенно приходил в себя, от услышанного. Какая необычная пациентка ему досталась. По всей видимости, она достаточно образованна, если смогла осилить гениального Фрейда, да и его, Джона труды ей тоже приглянулись. Казалось вот уже все сказано, а она вновь шокирует его очередным признанием.

В комнате, Джон достал из шкафа свой чемодан и вынул из него новую папку, прошёл к столу у окна, бросил папку на стол, взял с секретера чернила и ручку, поближе подтянул большое кресло. Сел в задумчивости у окна и задумался. Минут пять Джон рассматривал великолепный зимний пейзаж за окном, потом обмакнул перо ручки в чернила и большими буквами подписал папку: “МЭРИ ГРАНТ”.

Глава 4

Через два дня наступило Рождество. Праздник был отмечен в тихом семейном кругу, разве что на следующее утро в особняк Гратов приехал лучший друг Оливера с супругой. Его представили как мистера Скотта Перри и миссис Люси Перри. Мистер Перри оказался

добродушным и весёлым человеком, он был высок и довольно таки красив, в то время как супруга его имела внешность весьма обычную, смеялась наигранно и беспрестанно флиртowała с мужчинами, но больше всего её внимание занимал хозяин дома. В ответ на её знаки внимания мистер Грант был любезен и не более, а миссис Грант, как заметил мистер Вудс, вообще не обращала на Люси внимания.

Отобедав всей компанией, было решено пойти на прогулку к озеру и покататься на коньках. Джон старался наблюдать за Мэри издалека, ведь после последнего их разговора в библиотеке они ни разу не оставались наедине. Мэри была все так же спокойна и безмятежна, как прежде.

Незаметно Джон отстал от остальных, любуясь прекрасными заснеженными видами, и рядом с ним оказались идущие под руку миссис Перри и Кэтрин, вот уж поистине лучшие подруги и охочие до сплетен особы.

– Как вам нравится здесь? – спросила Джона миссис Перри.

– О, замечательные места, прекрасная природа, – любезно ответил Джон.

– Ах, это, правда, здесь очень красиво, но в это время года нагнетает тоску. Природа лишена всех своих красок, и, кажется, что – нибудь поближе к цивилизации, в Лондоне просто замечательно в это время. В праздники особенно.

– Да, дорогая ты права, – сказала Кэтрин, но ты же знаешь, почему наш дорогой Оливер теперь предпочитает не столицу, – она вздохнула.

– О, да. Такое несчастье, – с показным сочувствием произнесла миссис Перри и посмотрела на Джона вопросительно. Известно ли ему причина затворничества четы Грант или нет. Впрочем, являясь близким другом Оливера, он, несомненно, знает, всё произошедшее. Так, решив себе в уме, миссис Перри не могла не обсудить это с мистером Вудсом, ведь он человек не посторонний.

– Вы, конечно, знаете о постигшем несчастье нашу дорогую Мэри? – спросила она. – И не дожидаясь ответа продолжила. – Это так печально и так повлияло на её жизнь. Мне кажется, она стала совсем нелюдима, перестала выезжать в свет. Не принимает у себя подруг. Особенно жаль, что Оливеру приходится терпеть эти... Прихоти и лишать себя общества и преданных друзей рядом. – Она вздохнула, и немного подумав, опять спросила его: – Как вы считаете мистер Вудс, это ли справедливо?

– Безусловно, это печально всё, что случилось с миссис Грант, но мистер Грант желая доставить всей жене покой, возможно, не обременил себя. Возможно, благополучие его жены стоит на первом месте для него, более чем собственные потребности.

– Ох, как вы правы, мистер Вудс, – Люси опять вздохнула. Оливер самый ответственный и благородный человек из всех кого я знаю, он всегда был готов поступиться своими интересами ради Мэри. Он даже простил её после того, как она разорвала помолвку и исчезла с нашего поля зрения на целый год.

– Но, Люси, Мэри была больна, ты это прекрасно знаешь, – постаралась заступиться за свою невестку Кэтрин. – Она лечилась в Швейцарии. – Пояснила Кэтрин Джону.

– От того и заболела, Кэтрин, что не подумав разорвала помолвку и по всей вероятности ошиблась. Хотя, как я слышала, отец Мэри готов быть лишит её наследства за этот поступок, – она пожала плечами. – Не знаю, правда ли это.

– Я мало в это верю, Люси, – сказала Кэтрин. – Она была его единственной дочерью, – и, взглянув на Джона, пояснила, – у Мэри был старший брат, но сгинул где-то. Говорят, уплыл в Америку, да так и не вернулся. Её бедный отец, от горя места себе не находил. А тут и Мэри разорвала помолвку, это и подкосило его здоровье, как мне кажется. Но на счастье все благополучно завершилось, Мэри одумалась. А Оливер великодушно простил её поступок, ведь она была не в себе от потери брата.

– Но Кэтрин, ты совершенно не берёшь во внимание чувства нашего бедного Оливера. Он потерял так рано свою горячо любимую жену, дети остались без матери, он горевал и долго вдовствовал, и наконец, когда решил создать второй союз, был так подлю предан. – Казалось, миссис Перри сейчас задохнётся от охватившего её негодования, по раскрасневшимся щекам, Джону показалось, что за этим скрывается большее, чем дружеское участие.

– Ну-ну, – Кэтрин похлопала её по руке, – полно, иногда мне кажется, что любой выбор Оливера, для тебя не будет слишком хорош.

– Конечно это не так, – с горячностью воскликнула Люси. – Его прелестная Джорджиана была верхом совершенства, как и сам Оливер, и я считаю, что судьба не справедливо с ним обошлась, лишив его жены. Но, по-видимому, он счастлив сейчас, что же я ещё могу желать более как самый преданный и верный друг.

Чета Перри отбыла на следующий день, и в доме воцарилось привычное спокойствие. Заканчивались каникулы и Тобиас с Эммой вскоре должны были покинуть дом и разъехаться каждый по местам своей учёбы. Джон обдумывал, слова сказанные Люси на прогулке и не мог понять другой причины кроме постигшего её горя, побудившую Мэри разорвать помолвку с Оливером. Их пара смотрится достаточно гармонично, они приветливы и вежливы друг с другом, он сдержан, она иногда импульсивна в словах. Не значит ли это, что Мэри может так же быть импульсивна и в поступках. Не будет ли это простым любопытством спросить у неё лично, ведь его долг как врача знать самые потаённые секреты своего пациента, чтобы оказать помощь. Он надеялся узнать об этом как можно раньше, и сложить всю картинку отношений супругов воедино, и не навредив расспросами, затронуть уголки памяти Мэри.

Случай представился довольно скоро, и Мэри, к его удивлению, не казалась смущённой этим вопросом и не видела в нём праздного любопытства. Они беседовали в библиотеке, так же как и в первый раз, она за столом, он рядом на стуле. И в начале их беседы она сказала, что все должно быть с точностью наоборот, он должен сидеть за столом, а она напротив. Так было бы удобнее ему. Джон любезно отказался, уверяя, что её комфорт важнее его собственного. Мэри согласилась. И отвечая на его вопрос о помолвке, она сидела, откинувшись на спинку кресла и пристально с улыбкой на него смотрела.

– Мой супруг сказал о разорванной помолвке в прошлом году. Люси проговорила. Ведь, я не помню того периода. Совершенно не помню. И свадьбы тоже не могу вспомнить. Помню только боль от потери брата, – она задумалась и прикусила губу. – После смерти брата, я разорвала помолвку. Но, потом... я похоронила отца. Вернее я хоронила его дважды, – на её глазах выступили слезы. – Что может быть ужаснее, для человека потерявшего память знать, что вместе с памятью ты потерял и близкого человека. Это как потерять частичку себя, и никакая боль физическая или душевная не сравнится с этой болью. – Она проморгала набежавшие слезы. Джон деликатно отвёл взгляд.

– Вы были очень близки с отцом? – спросил он мягко, боясь, расшевелить её чувства.

– О, да – она засияла улыбкой, – он был просто необыкновенным человеком, он заменил мне мать, когда её не стало, он утешал, когда пропал мой брат. Хотя и сам нуждался в утешении не меньше моего. Он никогда никого не обидел намеренно, правда всегда говорил то, что думает без прикрас, и думаю, что это черта характера передалась и мне. Но, мне приходится сложнее сдерживать свои чувства, я слишком импульсивна и это моё наказание.

– А, что ваш брат? – спросил со страхом Джон, боясь зацепить раны Мэри.

Она погрузилась, и улыбка пропала с её лица. Казалось, время замерло, и память услужливо представила свои воспоминания. Она молчала, и Джон не решался потревожить её. Наконец, словно, вынырнув из вихря эмоций, которые были написаны на лице Мэри, она сказала:

– Безбожник, мот и картёжник. Но горячо любимый мною, и наши чувства были взаимны. Считал, что жить нужно так, как сам того хочешь, невзирая на правила общества. Он вообще презирал любые правила. – Она замолчала и не сказала про брата больше ни слова. Джон понял,

что это болезненное воспоминание, почему-то более болезненное, чем воспоминание об отце. О матери вообще не было сказано ни слова. Ему следовало устранить этот пробел и хочет того Мэри или нет, но она должна давать ответы на его вопросы, ведь это все делается для её же блага.

– Я хотел бы спросить о вашей матушке, вы сказали, её не стало очень давно?

– Давно, – она кивнула и умолкла.

– Мне неловко, вас спрашивать, но вы должны ответить, об отношениях между вами, поверьте это не просто любопытство.

Джон заметил, как напряглись её плечи. Она шумно вздохнула, и встав из-за стола, принялась похаживать по комнате за его спиной. Он пытался было повернуться, но она остановила его.

– Нет, нет, не оборачивайтесь, так мне будет гораздо легче. – Джон замер на своём стуле, и прислушивался к её шагам. Наконец, она заговорила.

– Моя мать из очень богатой семьи, рано осталась сиротой и воспитывалась тёткой. Её баловали словно принцессу. Была честолюбива и порочна, моему отцу она досталась уже такой. Притворство было в её характере, как и ложь, которой она потчевала моего отца. Она была...

– Мэри помолчала, – мой брат был очень похож на нашу матушку, она всячески поощряла его, и в тринадцать лет он знал всех молоденьких служанок в нашем доме. И, слава богу, не одна не понесла от него. На меня же она мало обращала внимания и это была наверно самое прекрасное, что она могла сделать для меня. Мой отец, не знал о том безобразии, что творилось в доме, когда он был не дома. Он воевал в то время... Мне стыдно об этом говорить, но я не могла его даже предупредить об этом, мать настрого мне запретила говорить о гостях в его отсутствие. Слуги тоже были запуганы, но компенсации они получали прилично, поэтому держали рты закрытыми. Я не могу уже вспомнить, как получилось, что отец приехал домой без предварительного письма, а может, оно и было, но кто-то из слуг не подал его. Отец застал мать с любовником. Скандала удалось избежать, любовник бежал, мать была отослана в далёкое имение. Отец поседел мгновенно, когда узнал, что происходило за его спиной, мать сама ему все рассказала. Через три месяца она умерла. Понесла, от кого-то из любовников. Хотела избавиться от ребёнка, да видно не удачно. Я, конечно, любила мать, но не могла не осуждать её. Отец после этого так и не оправился, ещё и брат, мой любимый брат пошёл по стопам матери. – Она замолчала, но шаги её так же приглушал ковёр, казалось, она не могла остановиться, так сильно её взволновал рассказ.

Услышанное, потрясло Джона. Сколько несчастий выпало на долю этой молоденькой женщины. И, как играючи, судьба отобрала у Мэри воспоминания, о, несомненно, приятных воспоминаниях, о браке с мужем и началом новой жизни, взамен оставив только горечь потерянного детства. Джон решил повернуться к ней. Он встал и взял её за руку, тем самым остановив её нескончаемый поход по комнате. На удивление, в отличии от первой встречи, руки её были очень горячи, то ли от бесконечного движения, то ли от нахлынувших воспоминаний. Она остановилась и взглянула ему в глаза. Они были так печальны, что Джону хотелось утешить её, не только взявши за руку, а возможно даже обняв. Но он не мог позволить себе такой вольности, ведь он врач, он должен оставаться беспристрастным и хладнокровным. Мэри смотрела на него, как ему показалось, с какой-то надеждой, возможно, пыталась найти какое-то утешение и сочувствие в его глазах. Но, он внезапно отпустил её руку, и все очарование момента вдруг рассеялось. Она отступила и рассеянно посмотрела на него. Джон от этой близости немного растерялся, но быстро взяв себя в руки сказал:

– Все это в прошлом, Мэри. Теперь у вас есть любящая и заботливая семья, вы заслужили своё счастье.

– Да, конечно, – она помолчала так же глядя на него. Потом отвела взгляд в сторону, и, попросив извинить, покинула комнату, оставив Джона одного. Царящее в его душе смятение

от её рассказа расселось с её уходом, и трезво оценив ситуацию, он вышел следом с намерением немедленно сделать запись этого разговора, пока ещё он жив так чётко в его памяти.

Глава 5

Как много мы можем иметь родственников, и каких из них мы можем назвать любимыми? Простившись с Эммой и Тобиасом отбывшими на учёбу, мистер Вудс, хотел было порадоваться, что внимание его будет занято лишь лечением миссис Грант. Он старательно наметил план лечения, сделал наброски занятий, которые проходили весьма успешно и как истинный знаток своего дела, с хорошим настроением шёл в библиотеку, что бы увидеться с Мэри. Он, кажется, мог достойно объяснить причины возникновения путаницы букв, и без сомнения это было вызвано не ударом, который она могла получить в результате несчастья, а травмой душевной. В момент этих мыслей, проходя через холл, в дверь постучали. Погруженный в свои раздумья, Джон не сразу понял, что происходит. Огромная свора собак ворвалась в дом, как только слуга открыл дверь. Они лаяли и бегали по чисто вымытому полу, оставляя за собой грязь и желание обласкать каждого, кого они увидят. Джону Вудсу выпала такая честь. Не менее эффектно было и появление небольшой по росту старой женщины, закутанной в рыжие лисьи меха. Её голос, казалось, перекрикивал лай своры, и не смотря на небольшой рост, фигура её казалась внушительной, возможно благодаря именно лисьей опушке.

– Ах, проказники. А ну-ка, пошли вон! – голос старой дамы поистине был басист. – Джексон, неси скорее вещи и веди моих малышей на кухню, пусть их накормят, натерпелись они, однако за время поездки. – Обратилась она к слуге. И громко стуча тростью, зашагала в сторону Джона. – Смотри-ка, новое лицо в этом захолустье, ну надо же. Кто-то сподобился завести друзей. Как неожиданно. – Не останавливаясь, милая старушка говорила все это Джону в лицо, который и шагу не мог ступить из-за прыгавших на него собак. На шум и лай из библиотеки выбежала взволнованная Мэри.

– Тётушка, ох тётушка, – она кинулась к старухе и начала её обнимать. В это время, слуге наконец-то удалось собрать всех собак на один поводок и с силой тащить эту разномастную свору в сторону кухни.

– Какая я тебе тётушка, дорогуша, – словно кричала она. – Так ты меня скоро и в старухи запишешь, а мне нет ещё и пятидесяти, – она с интересом опять взглянула в сторону мистера Вудса. Мистер Вудс слегка растерялся от её кокетливого взгляда и от значительного, лет на двадцать преуменьшения возраста.

Мэри, казалось, совсем не обратила внимания на замечание тёти и все так же сжимала её за плечи, с улыбкой глядя на неё. Тётка же не без удовольствия высвободилась из объятий Мэри и повернулась к Джону.

– Представь-ка меня, джентльмену лучше, да как подобает! – пробасила она.

– Простите, тётя. Разрешите, вам представить мистера Джона Вудса, старинного приятеля Оливера. Мистер Вудс, это графиня Изабелла Вудхаус горячо любимая тётушка Оливера. И моя тоже.

– Вдовствующая графиня, прошу заметить, – добавила леди Вудхаус, многозначительно поглядев на Джона и протягивая руку для поцелуя. – А ты моложе моего племянника, что же у вас общего не пойму? Да и лицо, не такое напыщенное, как у Оливера, а, должно быть, ради Мэри и поддерживаете дружбу, она в этом доме единственный нормальный человек, даром, что память отшибло. Ум-то на месте остался. – И развернувшись от него, пошла в сторону лестницы.

Джону показалось, что Мэри слегка покраснела, и с извиняющимся взглядом и улыбкой пошла за собой леди Вудхаус, обнимая последнюю за плечи.

– Пойдёмте тётя, я проведу вас в вашу комнату.

– Надеюсь, ты никому не давала в ней жить, когда меня не было?

– Нет, тётя никому, – заверила её Мэри, помогая пожилой женщине подняться по ступеням.

– А, что Вильям, все так же здесь гостит? Вот уж поистине вылитая мать, мой покойный брат не вынес бы мысли о разорении одного из его сыновей, так это все отвратительно и неприятно. Кэтрин, небось, теперь и рта не раскрывает, боясь потерять ваше расположение? – И все в таком духе говоря практически сама с собой, леди Вудхаус, наконец-то преодолела ступени, но её голос доносился до Джона ещё несколько минут, прежде чем Мэри провела её в свою комнату.

Вздыхнув, Джон решил, что сегодня ему по всей вероятности не удастся позаниматься с Мэри, он вернулся в свою комнату и от нечего делать взял, наконец-то в руки её сказки. Вот и настало время их прочесть.

Переполох, вызванный приездом леди Вудхаус, казалось, зацепил каждого жителя дома. Слуги суетливо натирали и без того чистые полы, гоняли пыль и натирали серебро. Все это происходило в суматохе и с огромной скоростью, так, чтобы успеть навести порядок до того как вдовствующая графиня спустится к ужину. Леди Вудхаус не была столь строга к порядку, но стоило ей заметить хоть пылинку или не начищенный до блеска сервиз, её было не остановить, так как она пускалась в поучения и нравоучения, что касалась каждого из присутствующих, а так же слуг. Помня в её возрасте все имена и даты, а ей было уже за семьдесят, все происшествия и события, тётушка казалась вездесущей. Так, по вечерам, после отбытия её ко сну, все слуги дома Грантов, в который раз обсуждали того, кто, по их мнению, мог доносить леди Вудхаус об их личной жизни. Правда, все быстро приходили к мнению, что никто из присутствующих не мог на это пойти, ведь каждого она могла задеть и подшутить, что было хоть и неприятно, но совершенно беззлобно.

Сегодня под удар попал несчастный Симонс, которого графиня поддела, когда он подавал ей ужин.

– Что, мистер Симонс, женились ли вы на экономке миссис Пратчет? Коль мне не изменяет память, лет восемь вы похаживаете к ней на вечерний чай. – Бедняга Симонс покраснел до самых корней своих седых волос, но продолжал обслуживать гостью с невозмутимым видом. – Не стоит отвечать, мой старый друг, какие же в твоих летах уж могут быть похождения, да и миссис Пратчет моложе тебя лет эдак на пять, вон Джексон мой к ней приглядывается. – Симонс покраснел ещё больше, а старушка меж тем, уже переключила своё внимание на членов семьи. Больше всех страдала Кэтрин, которую графиня за глаза называла красивой, но совершенно бесполезной кокеткой. «Что толку от её красоты, если она не может родить таких же красивых детей, впрочем, она никаких детей родить не может», – бывало, говаривала она, но между тем, никогда не разрешала обидеть её кому бы то ни было.

К Вильяму она относилась нежно и спокойно, ей казалась трогательной его тонкая душевная организация, и поэтому именно поэтому, считала она, он должен был родиться женщиной. Оливер и Тобиас были по её мнению настоящими мужчинами, вот где глава рода по достоинству и по манерам, хотя излишнюю холодность и невыраженные чувства, она считала недостатком. Любимицей же её была, конечно, Мэри, хоть и не по крови, а по духу были близки они, и тетушка, бывало, сокрушалась, что так долго они не были знакомы, и ей следовало бы выйти замуж за Оливера намного раньше, хоть и десятилетней, шутила она. С приходом Мэри в этот дом, все стало намного гармоничнее и теплее, вот и Эмма, как говорила графиня, перестала заниматься ерундой в виде чтения слезливых книг, от которых неизменно впадала в меланхолию, а стала так похожа характером на настоящую женщину, какой и пристало быть молодой леди.

Так, обласкав своим вниманием каждого из членов семьи, графиня на десерт оставила мистера Вудса. Мистеру Вудсу к счастью краснеть не пришлось, так как тайн известных тётушке у него не было.

– Так, значит вы друзья, – громыхала она, поддакивая сама себе. – Что ж это прекрасно, Оливер, у тебя снова появился близкий друг. И пожевав немного добавила, – как жаль, что твой бывший приятель так поступил с тобою, – и, повернувшись снова к Джону, добавила строго, – надеюсь, вы не станете испытывать нежных чувств к нашей Мэри? Её конечно сложно не любить, но уж запомните, не стоит этого делать, если вы настоящий друг, а не предатель всего святого как этот подлый Том Найтли. Он хоть и красавец был, должна признаться, и любоваться его лицом мне доставляло огромное удовольствие, да и манеры были отменны, все руки целовал, но повел себя как настоящий подлец. Возжелал нашу Мэри, замужнюю женщину, жену лучшего друга. Благодаренье господу, что бедняжка этого не помнит, вот и нам бы всем об этом позабыть.

Джон бросил на Мэри быстрый взгляд, она, как показалось ему, немного побледнела.

– Но, тем не менее, тётя, вы сами об этом и напоминаете, – сказал Оливер слегка раздражённо. Ему был не приятен этот разговор, тем более, что он велся при постороннем человеке, то есть Джоне.

– Ах, брось учить меня, – махнула рукой тётка, она была не менее раздражена, чем он. – Здесь нет большого секрета, наша любимая Кэтрин, недолго смогла держать язык за зубами, одно радуется, что дальше семьи это не ушло. Правда, Кэтрин? – Гаркнула она и посмотрела в её сторону.

Спина Кэтрин была настолько прямой, что по ней можно было чертить ровные линии. Она с начала самого ужина, боялась привлечь к себе внимание тётушки, теперь же и вовсе хотела оказаться невидимой. Повернув к ней лицо с красными, под цвет своих волос щеками, Кэтрин нервно улыбаясь и стараясь не смотреть на графиню, ответила тете:

– Нет, конечно, тётушка. Я никому ничего не говорила. А в тот раз, это вышло случайно, я не хотела, – и она покраснела ещё больше.

– Как же, не хотела. Сначала – думаешь, потом – говоришь, сколько раз тебе объяснять? – И отвернулась от неё. Джон подумал, что, по крайней мере, ещё один человек должен об этом знать, и это был не кто иной, как Люси Перри, ведь они так дружны с Кэтрин и похожи в желаниях посплетничать. Но скоро эта тема была забыта, и Мэри принялась расспрашивать тётку о жизни в Лондоне. Той дай только повод обсудить последние новости, и разговор плавно перетёк в другое русло, где главными героями выступали бесчисленные подруги леди Вудхаус, которых, невзирая на её характер у неё было достаточно, а так же, не менее бесчисленные родственники, этих самых подруг.

После ужина, рассиживаться в компании молодых людей тётушка не захотела, и ссылаясь на усталость после поездки ушла в свою комнату наказав дремлющему на софе Вильяму приглядывать за женой, дескать, она тоже красавица писаная и не смотря на повышенную болтливость последней, может найтись какой-либо джентльмен способный ею увлечься, а при выкате к новой его жене, в случае развода, она не намерена. Тётушка была заверена о надёжности их брака, о взаимной любви со стороны обоих, и с чистым сердцем отправилась спать.

Немного позже, лежа в своей постели, мистер Вудс, делал для себя кое-какие выводы, основанные почти на месячном пребывании в доме Грантов. Его, как врача, безусловно, более всего заботило душевное состояние его пациентки, которое было в порядке, за исключением, пожалуй, трудностей с письмом. Но благодаря послеобеденным занятиям, которые они проводили вместе, дела медленно, но все же шли на поправку. Конечно, его волновал вопрос её памяти, которому, как ему казалось, уделялось слишком мало внимания. Мистер Грант не выразил особой озабоченности по этому поводу, сказал, что достаточно того, что нынешние воспоминания, она уж точно не забудет. Сама же Мэри, по его мнению, страшилась чего-то,

её опасения теперь можно понять, после того как он стал вовлечён в разговор о бывшем друге мистера Гранта. Конечно, не удивительно, что Мэри была так сконфужена. Ведь зная её, как он мог себе позволить о ней судить, и зная её осуждающее мнение насчёт супружеских измен, она возможно боялась, что могла как то невольно, конечно же невольно, в этом мистер Вудс был совершенно уверен, подтолкнуть того самого Тома Найтли, к каким-либо решительным действиям по отношению к ней.

И все же мистер Вудс полагал, что не только проблемы с письмом миссис Грант заставили мистера Гранта пригласить в дом психиатра. С деньгами мистера Гранта и его положением в обществе он мог нанять лучших врачей не только Англии. Он так же мог отправить жену в прекрасную клинику, где ей бы, несомненно, оказали самый должный и профессиональный уход. Сам же Джон отчаянно нуждался в заработке, практически все деньги его семьи ушли на его учёбу в Америке, куда семья переехала в надежде на лучшую жизнь. Будучи, человеком не богатым, его отец смог обеспечить единственного сына достойным образованием, и его единственная мечта была видеть его великим врачом. Джон полностью оправдал надежды своего отца, но дальнейшие успехи сына ему увидеть так и не довелось, он скончался, когда Джон был на третьем курсе университета, мать покинула его годом ранее. Оставшись совсем один, молодой человек с головой ушёл в учёбу, и заканчивая образование был самым лучшим и подающим надежды молодым специалистом на курсе. Проработав в Америке, в больнице для душевно больных, а после, поднабравшись опыта в европейских клиниках, мистер Вудс мечтал о своей собственной.

Он работал в клиниках Америки и Австрии, лечил солдат в Индии, теперь же судьба забросила его на родину, и здесь он надеялся, удача улыбнётся ему. Мистер Вудс разрабатывал собственные методы лечения больных, с которыми не совсем согласны были его коллеги, они считали, что многих пациентов невозможно вылечить, и они годятся только в качестве испытуемых для новых средств лечения, в то время как Джон думал совсем иначе. Поэтому, находясь в той обстановке и видя страдания несчастных больных, Джон поклялся это изменить. Уйдя из последней клиники и зарабатывая частными посещениями, Джон писал статьи в научные журналы, но весь научный мир не мог сразу поменять подход к лечению и постановке диагнозов. Но именно это, заставляло Джона трудиться еще усерднее.

Глава 6

– Что вы мистер Вудс, она совершенно безобидна, – сказала ему Мэри на следующий день. Они прогуливались среди заснеженных аллей, под аккомпанемент собачьего лая бесчисленных любимцев леди Вудхаус. За собаками следил старый слуга тётушки, которых любил их не меньше её, как впрочем, он следил и за миссис Грант, которую графиня любила более всех вместе взятых домочадцев.

– Нам бы такую стойкость духа в её возрасте, – продолжала меж тем Мэри, отвечая на вопрос Джона о том, насколько далеко может зайти старая леди в своих бестактных высказываниях. Не тревожит ли это саму Мэри? – Она очень привязана к семье и чтит нас своим присутствием не менее двух раз в год, в следующий раз она приедет в конце лета.

– А, что её семья? Кроме вас, у неё есть кто-нибудь? – полюбопытствовал Джон.

– Есть дочь Лидия, но к нам она не особо любит приезжать. Не любит Оливера. Он был против её брака в своё время.

– Вот как? Почему же? – спросил он.

– Муж Лидии, Джордж, по мнению Оливера не имел права претендовать на руку и сердце дочери графини, – она улыбнулась ему. – Он был сыном управляющего в имении тётушки, они росли вместе с Лидией и спустя годы, их дружба переросла в нечто большее. Но тёте было все равно на мнение Оливера, впрочем, как и на мнение остальных.

– Правда? – Джон хмыкнул, а потом спросил, – А, что думаете вы? Неравный брак для вас приемлем? – и вопросительно посмотрел на неё.

– Смотря, что вы подразумеваете под выражением неравный. Если женятся люди одного сословия, по статусу, по титулу, но там где невеста младше своего жениха, к примеру, лет на двадцать, или брак заключен без взаимных чувств, вот где неравенство.

– Значит, по вашему мнению, в браке должна присутствовать любовь? – уточнил он. Мэри пристально посмотрела на него, и немного помолчав, обдумывая свой ответ сказала:

– Или хотя бы дружба. – Но в голосе её не было той уверенности, с которой она всегда отвечала на его вопросы. Должно быть, она сама сомневалась в своих словах, и Джон решил это проверить.

– Вы полагаете, что люди могут вступить в брак не по любви, не по расчёту, а по дружбе? Какой же в этом смысл? Что оба они могут иметь от такого союза?

– Возможно, один из партнёров не видит себя вообще в браке, не встретил суженого или суженую. Много сопутствующих факторов могут объединить людей, и подтолкнуть к тому, чтоб быть вместе.

– Но ведь это и есть расчёт, не так ли? Один из них расчётливо использует другого, и это эгоизм. Ведь так рассудив, можно с уверенностью сказать, что кто-то из супругов страдает, вы так не думаете?

– Возможно, – немного подумав, ответила она. – Я как то не задумывалась об этом. – И сменив тему, спросила: – Как вам мои сказки? Вы уже их прочли?

Джон растерялся, так как врать ей не хотел, но признаться, что он не прочёл ни одной, а заснул на середине первого произведения, ему было стыдно.

– Весьма интересны. – Ответил он. Ведь половину сказки он прочёл, поэтому это будет правда.

– Ох, бросьте Джон! – воскликнула Мэри. – Вы не прочли, сознайтесь же, я не обижусь. – И судя по её улыбке, она и вправду не собиралась обижаться.

– Простите, ради бога, я просто о них забыл. – Он попытался неуклюже извиниться.

– Не извиняйтесь. – Она не была расстроенной, – По правде говоря, Оливер считает это моё увлечение блажью, говорит, что б я, как и раньше занималась языками, а они мне стали не интересны. Мне стало гораздо интереснее писать то, что у меня в голове и получать от этого удовольствие, чем переводить ненужные мне тексты и получать за это прибыль.

– Как врач, я должен с вами согласиться, как человек практичный судить об этом не берусь, чтобы опять вас не обидеть, – попытался поддержать её Джон. – Порой, следуя нашим желаниям, тем более тем, которые не могут навредить ни нам самим, ни кому бы то ни было, мы исцеляемся. Находим гармонию в душе и сердце.

– Вы считаете, что гармония сердечная, может отличаться от гармонии душевной?

– Безусловно, ведь так бывает, что душа желает одного, а практичное сердце требует другого.

– Значит, вы разделяете душу и сердце на разные составляющие нашей личности? – спросила она.

– Я считаю это правильным. Ведь как практикующий врач, я часто видел страдания несчастных душевнобольных, я помню одного больного, который никак не мог вспомнить свою личность после определённого периода времени. Он памятью застрял во времени, когда был молод, хотя это был глубокий старик. Он попал в больницу истощённым и потерянным. Его семья умерла от болезни, он лишился, жены и детей, беспросветно пил несколько лет и после этого скатился на самое дно. Его память вычеркнула все воспоминания связанные с семьёй. Должно быть, само сознание позаботилось о том, чтобы он не шёл по пути саморазрушения, и отобрало его память. Этот бедняга не мог понять, как он очутился в больнице и главное

почему, ведь, по его мнению, он молод и полон сил. Но самое печальное, что лечить его и не пытались, списав его как законченного пьяницу. – Джон замолчал.

– И что же стало с ним? – не выдержав молчания, спросила Мэри. Джон разволновался от нахлынувших на него воспоминаний, но все же продолжил.

– Конечно, помочь я ему не мог. Как врач не мог. Возможно, его память и не подлежала восстановлению, но так как он был не опасен, я принялся лечить его душу, а не тело.

– Каким же образом? – Мэри казалась взволнованной ещё больше самого Джона.

– Я видел, что хоть и выглядел этот пациент вполне здоровым, за исключением провала памяти и некоторой старческой немощи, было, что-то ещё, что тяготило его. Так как вспомнить о своей трагедии он не мог, а душа же знала правду, я начал спрашивать его, что так его тревожит. Он и сам не мог дать ответа на свой вопрос. Тогда я задумался. Если физическое тело его находится практически в абсолютном здравии, не значит ли это, что лечения требует его душа?

– И, что же? – Мэри не терпелось услышать конец рассказа. Она нетерпеливо поглядывала на него. А Джон, казалось, путешествовал по уголкам своей памяти, погруженный в свои воспоминания, что не замечал её нетерпения. – Ах, ну же, Джон. Ну не томите! – Джон очнулся от своих мыслей и продолжил:

– Я повел его на мессу.

– Что? – не поняла она.

– При больнице не было церкви, но иногда к больным приходил святой отец и читал проповеди. Это не имело должного эффекта, так как больные были под воздействием лекарств и ничего не понимали, или не могли понять. А те, кто был не под лекарствами, не обращали на это внимание. Тогда я пошёл обратным путём. Я повел этого старика в церковь, а не наоборот. И знаете, это был поразительный эффект. Он был так выразителен в своей молитве, так полностью захвачен чувством сосредоточенности и важности момента. Казалось, в эти мгновения, его разум сливался с душой, и он был здоров и счастлив. – Джон опять замолчал. Молчала и Мэри. Она была потрясена открытием, которое сделала сама для себя. Что именно её сознание подсказало её душе выход. И пусть она не исцелится полностью, но так трепетно знать о том, что фактически она сама стала для себя защитой.

– Я поняла, – сказала она, наконец, – Я все поняла. – И посмотрела на него. – Мои сказки, они стали для меня спасением. Правда?

– Правда, – он улыбнулся, – Вы сами, фактически стали для себя спасательным кругом.

– Но ведь письмо, вернее мои ошибки. Что здесь не так?

– Вам не кажется, что перемена букв может быть вызвана не только физической травмой? – он вопросительно посмотрел на неё, хотя заранее знал ответ. Джон знал, что и Мэри тоже догадывается, что он хочет ей сказать. Она молчала, хмуря брови, наконец, лицо её разгладилось, и в изумлении и некотором восхищении она воскликнула:

– Я поняла! Это значит, что мне хочет сказать, что-то моя душа!

– Вы правы, Мэри. Ваша душа пытается вам, что-то сказать.

Вернувшись в дом после прогулки, в гостиной царил небольшая суматоха. В диванных подушках, обложенная ими со всех сторон лежала Кэтрин. Причёска её слегка растрепалась, а щеки пылали нездоровым румянцем, который впрочем, всегда присутствовал на её щеках при появлении тётюшки Изабеллы. Рядом у её ног, находился такой же раскрасневшийся Вильям, он казался беспомощным, и все хватал супругу за руки, поправляя ей одеяла. Графиня отчитывала прислугу здесь же. Бедная служанка Кэтрин стояла, понуро опустив голову, и боялась встретиться глазами, с кем бы то ни было.

– Это надо же быть настолько безответственной, уважаемая, – громыхала графиня, обращаясь к несчастной девушке. – Вы, если не компетентны в некоторых вопросах, тогда возьмите

на себя смелость в этом признаться и обратитесь к тому, кто хотя бы будет не столь халатен. – И повернувшись к вошедшей Мэри и Джону сказала:

– Наша Кэтрин после самого завтрака почувствовала себя плохо, а уважаемая, – она ткнула пальцем в служанку, – и не подумала сообщить кому-либо. Бедняжка могла серьёзно заболеть, а ей и дела нет.

– Ох, тётя, – простонала со своего места Кэтрин, – не нужно ругать Эллен, – это я ей велела не говорить никому, что мне нездоровиться. Не хотела никого пугать.

– Тогда, она должна была тебя послушаться, – не успокаивалась леди Вудхаус, – твоё здоровье должно стоять на первом месте для неё.

– Вы позволите узнать, что вас беспокоит? – сразу же отозвался Джон. Он в первую очередь был врачом, и в нем никак не можно было заподозрить праздное любопытство.

– Много ли джентльмены понимают в дамских болезнях, – фыркнула леди Вудхаус.

– Должен вас, заверить мадам, что понимаю, – это было сказано таким тоном, что графиня, позволив себе секундное замешательство тут же взревела:

– Свободна Эллен, и не подслушивать под дверью! – И подождав, пока девушка вышла, обратилась к Джону, – Я требую объяснений на столь высокопарное заявление, – она казалась, была слегка уязвлена.

– Я доктор, мадам. – Джон слегка кивнул головой, и этот жест выглядел как жест знакомства. Но, знакомства не просто джентльмена с леди, а доктора и возможного пациента.

– Что ж, – сказала она, – раз вы врач, надеюсь, хороший врач, вы сможете объяснить причину недуга Кэтрин. – И отступив в сторону, пропустила его к дивану, где лежала Кэтрин. Вильям вскочил со своего места и во все глаза смотрел на Джона, так словно он первый раз его видел. Кэтрин была смущена и не могла вымолвить ни слова, а все открывала и закрывала рот в надежде, хоть что-либо произнести. Джон, не суетясь, вынул из кармана часы, взял за руку Кэтрин и посчитал пульс. Наклонившись, он что-то тихо у неё спросил, она вскрикнула от его вопроса и разрыдалась.

– Что такое? – Заревела леди Вудхаус. – Что с ней? О, господи, да что случилось? – И сорвавшись со своего места, поковыляла к Кэтрин.

– Всё в порядке. С ней всё в порядке. – Заверил всех Джон.

– Но, что же с ней? – не выдержала молчавшая до этого Мэри.

– Понимаете, – начал он, – я не один день наблюдаю за миссис Вильям, и обратил внимание, что некоторое недомогание у неё происходит в большей части в первое время суток, таким образом, я понял, что с ней происходит, но думал, что и она сама обо всем догадалась.

– Ах, не томите вы уже. Вечно эти доктора стоят из себя всезнаек, – пробасила графиня.

– У миссис Грант будет ребёнок. – Ответил он. При этих словах плачь Кэтрин, был прерван грохнувшимся в обморок Вильямом.

Теперь уже помощь требовалась ему, и немного спустя, когда на подушках лежал уже сам Вильям, а в ногах у него стояла его жена, леди Изабелла попивая уже вторую рюмку хереса, причитала сидя в кресле.

– Нет, не надо же такому случиться. Прямо дом с сюрпризами у вас, Мэри. Дети, конечно хорошо, я уж думала, у вас ничего с этим не выйдет. Эх, какой Вильям у нас чувствительный. Но самое, неприятное для меня это то, что моя любимая Мэри, так меня огорчила. Не сказала, что мистер Вудс доктор. – И не смотря на неё, повернулась к Вудсу. – Вот, вы скажите, как Оливера угораздило подружиться с таким нужным человеком, я, конечно, вас имею в виду. И что же вы специализируете мне интересно знать? А впрочем, можете не отвечать, врач на то и врач, что б специализировать все. Вон, как вы ловко все сразу поняли. А, что до Мэри, я ужасно расстроена. – Мэри, сидела бледная и взволнованная, казалось, она была отрешена от происходящего и находилась где-то далеко. Джон, заметил, что руки у неё были судорожно сжаты в кулаки, и это встревожило его. Поднявшись со своего кресла, он подошёл к ней.

– Мэри, с вами все в порядке? – Она не шелохнулась, взгляд её был устремлён куда-то в пространство. Он повторил свой вопрос. Но, она так же не ответила.

– Что такое? – Тётка обернулась на неё и вдруг побледнев, вскочила со своего места и кинулась к ней.

– Мэри, – Она наклонилась к ней и слегка встряхнула за плечи. – Джон решительно ничего не понимал. – Мэри, посмотри на меня. Пожалуйста, Мэри. – За её спиной вновь заголосила Кэтрин. Тётка раздражённо обернулась к ней, – Ну же Вильям, хватит разлёживаться, подумаешь обморок, отведи свою жену в кровать, а вы мистер, помогите мне отвести Мэри в её комнату.

Вильям, кряхтя, выбрался из подушек и повел оглядывающуюся на Мэри Кэтрин, прочь из комнаты. Джон, вместе с графиней, помог Мэри встать, взявши её под руки. Она слушалась, словно была куклой, которая могла управлять своим телом, но не разумом. Спокойно, по подсказкам тёти и Джона, перебирая ногами, всё с таким же неживым взглядом, она с их помощью поднялась по ступеням на второй этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.